

«НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» РОССИИ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ*

В.В. Шмат

Институт экономики и организации
промышленного производства
СО РАН, Новосибирск

petroleum-zugzwang@yandex.ru

Экономическое развитие восточных территорий России идет по ущербному пути. Акцент делается на освоении природно-ресурсного потенциала, который рассматривается в качестве нашего главного «козыря» во взаимоотношениях со странами АТР. Сотрудничество с Китаем, основным партнером России в Азии, пока что не приносит нашей стране адекватных выгод по двум главным причинам: с одной стороны, китайская экономическая и миграционная экспансия отличается оппортунистическим отношением к интересам России, а с другой – мы сами не вполне прагматичны в выстраивании взаимоотношений с Поднебесной. Существует реальный долговременный риск «китайской угрозы», отразить которую можно лишь за счет «взрывного» роста экономики Забайкалья и Дальнего Востока при сбалансированном развитии добывающего и обрабатывающего секторов. Необходимо стремиться к достижению естественной конкурентоспособности экономики восточных регионов на основе внутренней эффективности производства. Это означает нацеленность на выпуск продукции, в ценах которой действительно содержится высокая доля добавленной стоимости. Только таким способом можно свести к минимуму негативное действие объективного фактора удаленности и больших транспортных издержек. Требуется прагматичный подход во внешнеэкономическом сотрудничестве. Мы должны научиться максимизировать свои выгоды и минимизировать издержки, добиваться наилучшего баланса издержек и выгод для себя. В этом должна заключаться суть «новой восточной политики» России.

Ключевые слова: Сибирь, Дальний Восток, ресурсно-сырьевой потенциал, Азиатско-Тихоокеанский регион, китайская экспансия, сырьевой придаток, стратегия, социально-экономическое развитие, обрабатывающая промышленность, прагматизм.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.1-99-114

В многочисленных научных и журналистских публикациях, в печатных и в электронных изданиях уже не один год высказывается обеспокоенность в связи с «мирным китайским нашествием» на восточные регионы России. Если оставить в стороне административно-правовые и социальные

аспекты, касающиеся легальности проникновения и деятельности китайцев в России, ухудшения криминогенной обстановки на заселяемых ими территориях, и выделить сугубо экономическую составляющую нынешнего трансграничного сотрудничества, то можно констатировать, что выгоды

* Статья подготовлена в рамках исследований, проводимых при поддержке Российского научного фонда (Проект № 14-18-02345).

от этого сотрудничества в немалой степени являются для нас иллюзорными. Если внутреннее содержание хозяйственных взаимоотношений с Китаем, которые опираются на межгосударственные соглашения, в будущем не претерпит существенных изменений, тогда вполне вероятными становятся и неблагоприятные политические последствия [21].

Превратить имеющийся ресурсно-сырьевой потенциал в действительный мощный фактор регионального развития предполагается в рамках Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Восточного Китая на 2009–2018 гг., одобренной в 2009 г. Программа содержит 205 ключевых совместных проектов в приграничных регионах двух стран. По сути дела, как отмечает газета «Ведомости», Россия предоставит сырьевую базу Дальнего Востока и Восточной Сибири китайцам. Соглашение о сотрудничестве до 2018 г. предполагает совместную разработку российских месторождений, но перерабатывающие предприятия будут строиться на китайской территории [14]. Для реализации проектов на территории России Китай готов предоставить инвестиции, технологии и рабочую силу в обмен на наше сырье – причем не только минеральное, но также сырьевую продукцию лесного и сельского хозяйства. Китай согласен инвестировать в перерабатывающие предприятия на российской территории (например, в деревообрабатывающие заводы) с предоставлением технологий, но при условии, что работать на них будут китайские рабочие.

Однако нельзя забывать, что оппортунистическое отношение к интересам «принимающей территории» со стороны китайских мигрантов и предпринимателей,

ведущих бизнес в России (прежде всего – в ее восточных регионах), является, по-видимому, характерной чертой национального менталитета. С этим наша страна уже сталкивалась 100 лет назад, но сегодня вновь становятся актуальными опасения, которые беспокоили российских государственных деятелей в конце XIX – начале XX века. Вот что писал по поводу сохранения восточных территорий в составе России имперский министр финансов С.Ю. Витте в своем отчете о поездке на Дальний Восток: «Для того, чтобы в предстоящей в будущем (подчеркнуто Витте. – авт.) борьбе с желтой расой выйти победителями, нам надо создать на границах наших с Китаем оплот из русского населения, которое само в состоянии было бы выставить достаточную силу для защиты, как своего достояния, так и интересов Империи» [2]. В не меньшей степени был обеспокоен «желтой угрозой» и тогдашний военный министр А.Н. Куропаткин, который настаивал на усилении колонизации Сибири и защите восточных территорий (см., например [8, с. 76–77]).

В 1910 г. была организована так называемая Амурская экспедиция под руководством В.В. Граве и В.Д. Песоцкого с целью выяснения причин и следствий корейско-китайской миграции на российский Дальний Восток, а также для обоснования мер по регулированию этого весьма противоречивого процесса. Как отмечают современные ученые-экономисты, в трудах экспедиции представлен взвешенный подход к проблеме и разделяются понятия «желтого вопроса» и «желтой угрозы». Приток рабочей силы и торгового капитала из Китая сначала заполнял вакуум на рынке, содействуя тем самым хозяйственному развитию территории. Но, расширяясь, он приводил к монополизации рынка и создавал заградительные барьеры

для использования отечественных факторов рыночного предложения, изначально имевших более дорогую цену по сравнению с «желтыми». Российский бизнес имел свой интерес к дешевому труду пришлых китайцев, а потому неодобрительно относился к мерам по ограничению притока мигрантов. И, наконец, государство в условиях дефицита рабочей силы тоже испытывало потребность в сезонных работниках (как правило, с низкой квалификацией) для реализации своих планов по освоению территории [9].

Таким образом, вследствие множества противоречивых аспектов «желтый вопрос» при определенных обстоятельствах перерастал в «желтую угрозу» – угрозу экономическим интересам и российской государственности на Дальнем Востоке. Сегодня в восточных регионах страны мы сталкиваемся ровно с теми же самыми проблемами, что 100 с лишним лет назад. Разница в том, что сейчас китайская экономика по своей величине превосходит нашу не в два, а в три с лишним раза¹ и что сегодня Китай имеет вполне очевидный интерес к природным ресурсам, сосредоточенным на востоке России, а потому активно осваивает территории Дальнего Востока, вкладывая в этот регион не меньше средств, чем российское правительство. Как итог, хотелось бы привести мнение д-ра экон. наук И.П. Глазыриной, высказанное в одной из ее публикаций: «Одна из важнейших задач – как можно раньше выявить возможные риски при реализации “Программы-2018”» [3, с. 28].

¹ В 1900 г. ВВП по ППС (в долларах 2007 г.) России составлял 139,5 млрд долл. (7-е место в мире), а Китая – 320,2 млрд долл. (2-е место в мире и в 2,3 раза больше российского). В 2007 г. показатели были следующие: Россия – 2084,3 млрд долл. (6-е место в мире); Китай – 7044,3 млрд долл. (2-е место в мире и в 3,4 раза больше российского [21].

В экономической сфере основные риски вытекают из ресурсно-сырьевого (главным образом) участия России в сотрудничестве с Китаем. Развитие природоэксплуатирующих и добывающих производств, нацеленных на экспорт продукции, не создает достаточных предпосылок для усиления внутренних интеграционных процессов, привязывает восточные регионы в большей степени к Поднебесной, нежели к России. Сказанное в полной мере относится и к нефтегазовому сектору, который в современном формате развития (а данный формат во многом обусловлен действием объективных факторов), не создает серьезных интегрирующих эффектов. Освоение ресурсов углеводородного сырья носит очаговый характер и происходит в районах, удаленных от приграничной с Китаем территории как минимум на 1500 км. Трассы магистральных трубопроводов прокладываются «с прицелом» на экспорт и по большей части обходят обжитые территории стороной, чем делают нефть и газ, добываемые на востоке страны, недоступными для российских потребителей. Для выполнения работ на линейном строительстве привлекаются иностранные подрядчики и рабочие. Китайские инвестиции в наши нефтегазовые проекты (и не только нефтегазовые) привлекаются на условиях предоставления связанных кредитов. Все вышеназванные обстоятельства не позволяют рассматривать развитие нефтегазового сектора на востоке России в качестве «сильнодействующего средства» от хозяйственной дезинтеграции, которое помогло бы устойчивому развитию приграничных регионов.

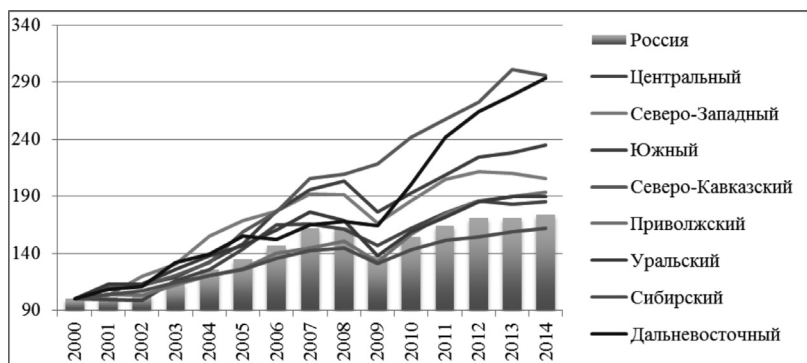
Практически все авторы, затрагивающие тему социально-экономического развития российского Востока, сходятся во

мнении, что выправить баланс издержек и выгод в экономическом сотрудничестве с Китаем и другими странами можно лишь путем увеличения экспорта обработанной продукции, товаров с высоким «содержанием» добавленной стоимости. Действительно, в стоимостной структуре экспорта регионов Дальневосточного ФО сырьевые товары (включая необработанную древесину и морепродукты) занимают порядка 80 %, а по России в целом – около 70 %. При этом доля машин, оборудования и транспортных средств в суммарном экспорте дальневосточных регионов составила в 2012 г. 2,4 %, а в 2013 г. – всего 1,9 %, что более чем вдвое ниже не слишком обнадеживающего общероссийского показателя (соответственно по годам – 5 и 5,4 %). В структуре экспорта Хабаровского края, который является крупнейшим производителем продукции обрабатывающей промышленности на Дальнем Востоке, доля машин и оборудования в 2011 и 2012 гг. составляла всего 2,4 %, а в импорте соответственно 58,7 и 57,5 %, что также превышает показатели по России в целом (51 и 52 %) [15, 18,

20]. Данные статистики красноречиво свидетельствуют о том, что восточные регионы, да и вся наша страна, остро нуждаются в улучшении структуры экспорта.

Но естественным образом возникает вопрос, как это сделать, если развитие обрабатывающего сектора промышленности происходит слишком медленно? Если только в последние 5 лет обрабатывающая промышленность Дальнего Востока набрала темпы роста, превышающие среднероссийский показатель, а для промышленности Сибирского ФО эта скорость оказывается почти недостижимой, за исключением 2014 г. Макрорегион устойчиво демонстрирует самый медленный рост среди всех федеральных округов России (см. рисунок). Если в 1990-х годах провал был настолько глубоким, что по объемам производства далеко не все восточные регионы страны смогли подняться до уровня 1992 г. (Дальневосточный ФО в целом – 102, Сибирский ФО – 84 %)? Если в структуре обрабатывающей промышленности преобладают отрасли, фактически замыкающие технологическую цепочку ресурсного сек-

Динамика производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» по федеральным округам России, % (2000 г. = 100 %)



Примечание: 2014 г. — оперативные данные.

Источники: [6, 13].

тора – обогащение сырья, выплавка металлов, простейшая деревообработка, а продукции с действительно высокой добавленной стоимостью производится крайне мало?

При этом некоторые ведущие российские ученые-экономисты, не без влияния которых формируется государственная экономическая политика, полагают, что развивать обрабатывающую промышленность на Дальнем Востоке вообще нет смысла из-за ее слишком высокой трудоемкости и что при дефиците рабочей силы гораздо выгоднее сосредоточиться на развитии добывающего сектора и энергетики. Например, газета «Ведомости» цитирует научного руководителя НИУ ВШЭ Е.Г. Ясина, согласно которому *«развивать Дальний Восток и Восточную Сибирь можно только за счет вложений в энергетику и разработку полезных ископаемых... Организовывать там трудоемкие производства нет смысла – нет достаточного количества рабочих рук»* [14]. Профессор НИУ ВШЭ С.А. Караганов считает, что *«Сибирь и Дальний Восток просто просят стать ресурсной, энергетической и сельскохозяйственной базой для новой Азии. И основой для новой русской азиатской политики и для собственного подъема...»* [7].

На эксплуатации в основном сибирских ресурсов Россия уже стала сырьевым придатком Европы, теперь нужно сделать Сибирь и Дальний Восток сырьевым придатком Азии! Вот такая «грандиозная» участь готовится восточным регионам страны в кабинетах столичных ученых. И ведь никто не спрашивает сибиряков и дальневосточников, хотят ли они, чтобы их край стал «ресурсной, энергетической и сельскохозяйственной базой для новой Азии».

Мало того, что идеология «избранности» ресурсно-сырьевого пути развития для Сибири и Дальнего Востока является опас-

ной, так она еще и основывается на заведомо искаженных посылках. «Хорошие» показатели добывающего сектора находятся под сильным влиянием нефтегазовой промышленности, а без учета добычи топливно-энергетических полезных ископаемых оказывается, что производительность труда по добавленной стоимости в горно-добывающем секторе сопоставима с обрабатывающим – в среднем на уровне 2 млн руб. в расчете на одного занятого. В обрабатывающем секторе есть отрасли и с более высокой производительностью, например химическое производство – 2,8 млн руб.². Да и современное машиностроение с его автоматизированными и роботизированными технологическими процессами – в отличие от нынешнего российского, унаследовавшего технологическую базу от советского прошлого, – может и должно быть малотрудоемким. Если на востоке России, равно как и в других регионах страны, развивать обрабатывающий сектор с применением новых технологий, если сделать акцент на производстве дорогостоящей продукции, то вопрос повышенной трудоемкости отпадет сам собой.

Главная проблема такого пути развития – отсутствие собственных технологий. Но и для освоения ресурсов полезных ископаемых в сложных горно-геологических условиях, которые преобладают в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (что хорошо видно на примере нефтегазовых ресурсов и в особенности – шельфовых месторождений), у нас тоже нет своих технологий. То есть при любом варианте выбора направлений развития экономики Сибири и Дальнего Востока нам не обойтись без

² Показатели производительности рассчитаны автором по данным Росстата о численности занятых в экономике, объемах отгруженной продукции и величине валовой добавленной стоимости для 2010 г. [12].

широкомасштабного импорта технологий и оборудования, и тогда с очевидностью выявляется предпочтительность инновационно-промышленного («неоиндустриального»), а не ресурсно-сырьевого пути – если импортировать технологии, то лучше уж для обрабатывающих производств, чем для добывающих. Сказанное отнюдь не означает, что нам не нужно осваивать ресурсы полезных ископаемых восточных регионов, но это не должно стать каким-то безусловным приоритетом. На востоке России нужно и должно развивать добывающий сектор – как естественную и неотъемлемую часть региональной экономики и сырьевую основу для глубокой переработки, но нельзя допускать его превращения в «раковую опухоль», которая, разрастаясь, может погубить весь социально-экономический организм территории. Все сказанное относится и к освоению природно-ресурсного потенциала вообще.

На предпочтительность инновационного пути указывается в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, в которой говорится, что восточным регионам страны требуется *«особая стратегия комплексного социально-экономического развития этой территории, ориентированная на ускоренный рост на инновационной основе (выделено авт.) экономического потенциала этой части страны, на реализацию интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе»*. Но при этом в Стратегии выявляется двойственное понимание пути и факторов экономического роста: *«...потенциал минерально-сырьевых ресурсов при наличии эффективной стратегии их использования может стать ключевым фактором изменения геополитического значения восточной части России»*. Будущее социально-экономическое развитие восточных регионов рас-

сматривается в контексте предотвращения *«угрозы дальнейшего оттока населения»* и *«угрозы снижения экономического и политического государственного влияния на территории Дальнего Востока и Байкальского региона»*. С учетом названных угроз определяются стратегическая цель и задачи развития восточных регионов – *«реализация геополитической задачи закрепления населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе за счет формирования развитой экономики и комфортной среды обитания человека... на этой территории, а также достижения среднероссийского уровня социально-экономического развития...»* [17].

То есть на «повестке дня» – закрепление населения (сохранение его численности?) и сопоставимое по темпам или опережающее социально-экономическое развитие по сравнению со средними российскими показателями. По мнению автора, **представленное в Стратегии понимание перспектив развития Дальнего Востока и Забайкалья сегодня уже безнадежно устарело**. Для предотвращения усиливающейся год от года угрозы дезинтеграции страны и снижения государственного влияния – вследствие неуклонного укрепления мощи нашего самого большого «географического соседа» и нарастающей экономической и миграционной экспансии с его стороны – требуется не просто «опережение по сравнению» и не просто «закрепление», а **«взрывной рост» российской экономики и российского населения в российских восточных регионах**.

Для обеспечения «взрывного роста» необходимо создать на востоке страны такие условия трудовой деятельности (в широком смысле – включая возможности приложения высококвалифицированных специальностей, знаний и навыков, творческой самореализации, а не только высокие денеж-

ные доходы), чтобы молодая часть населения была бы готова устремиться на Восток, как в эпоху «ударных комсомольских строек» 1930-х – 1960-х годов. С той лишь разницей, что идеологические и мобилизационные методы прошлого должны быть заменены надлежащими экономическими и социальными стимулами.

Приверженность ресурсно-сырьевому направлению в экономическом развитии не позволит решить сформулированную задачу. Поэтому в экономике восточных регионов страны требуется достижение межсекторальной и межотраслевой сбалансированности при ведущей роли обрабатывающих и высокотехнологичных производств. В южных широтах Сибири и Дальнего Востока необходимо взять курс на сплошное (массированное) хозяйственное освоение территорий при объективно разумном сочетании концентрации и децентрализации производственных мощностей (крупных, средних и малых предприятий), оставив в прошлом нашу привычную гигантоманию. Иными словами, на юге всей восточной части страны, т. е. на территориях, которые примыкают к существующим широтным транспортным коридорам и уже сейчас являются наиболее заселенными, нужно сформировать один сплошной внутренне интегрированный «пояс» экономического развития, а не набор слабо связанных друг с другом «точек роста». В южной зоне на экономико-географической карте российского востока нельзя оставлять обширные «белые пятна», представляющие собой «лакомую приманку» для экспансии из-за рубежа. Связать все территории в единый пояс развития можно только на основе создания мощной современной инфраструктуры – общехозяйственной и специализи-

рованной для отдельных отраслей и секторов экономики, в частности – нефтегазового сектора. К данному поясу должны присоединяться очаги роста, связанные с освоением тех или иных ресурсно-сырьевых источников на севере Сибири и Дальнего Востока, т. е. в слабозаселенных регионах с неблагоприятными для жизни людей природно-климатическими условиями.

Для интеграции восточных территорий в экономику России следует сбалансированно подходить к формированию региональной специализации и товарных потоков, которые – по входу и выходу – прежде всего должны быть ориентированы на внутренний рынок, а не на внешнеторговые направления. Необходимо стремиться к достижению естественной конкурентоспособности всех региональных экономик страны на основе внутренней эффективности производства. Применительно к хозяйству восточных регионов это означает нацеленность на выпуск продукции, в ценах которой действительно содержится высокая доля добавленной стоимости. Только подобным способом можно свести к минимуму негативное действие объективного фактора удаленности и больших транспортных издержек.

Такова в общих чертах парадигма **«новой восточной политики»**, которая должна быть воплощена в **прагматичные, тщательно обоснованные планы и реальные действия**, а не представлять собой красивую «декларацию о намерениях». Именно в ней, как полагает автор, нуждается Россия при решении проблем развития Сибири и Дальнего Востока. Эта политика действительно будет нацелена на сохранение и усиление экономического и административно-политического единства страны,

которая черпает свою силу в сильных регионах – хозяйственно самодостаточных и тяготеющих друг другу по причине взаимных экономических выгод, а не только под влиянием географической близости, исторической памяти, общности языка и культуры и прочих интегрирующих факторов, порождающих большие страны.

Современная проблема восточных регионов России состоит не в их слабости или бедности, а скорее, наоборот, в богатстве природными ресурсами и обширности территории, что в сочетании с удаленностью от центра и слабыми хозяйственными связями с остальной частью страны делает Дальний Восток и Забайкалье слишком привлекательными для экспансии со стороны сопредельных (и не только) государств. Мы сталкиваемся с тем, что главная опасность дезинтеграции страны приходит извне, а не порождается какими-то внутренними коллизиями.

Одной из главных причин, породивших нынешнюю сложную ситуацию, является унификация подходов к регулированию социально-экономического развития регионов. Однако нельзя было забывать, что восток России, под «брюхом» которого притаился могущественный «китайский дракон», – это не европейская «глубинка», даже со всеми ее многочисленными проблемами. Сегодня правительство готово ввести на Дальнем Востоке и в Забайкалье специальный налоговый режим, что в сущности является чрезвычайной мерой, поскольку на пути унификации взаимоотношений между центром и регионами, по которому мы двигались все последние годы, решить проблемы ускоренного развития восточных регионов не удастся [4]. Однако налоговые послабления, скорее всего, окажутся слишком слабым средством. Необходи-

дим целый комплекс мер, направленных на выравнивание конкурентных условий в экономике российского Востока и... северо-восточных провинций Китая. Это касается тарифов и цен на продукцию и услуги инфраструктурного характера (электроэнергию, транспортные услуги и проч.), условий кредитования бизнеса и многого другого. Например, если китайские предприниматели для ведения бизнеса на российской территории получают кредиты под смешанные для России 2 % годовых [1], то и у наших предпринимателей должны быть не худшие условия кредитования. В противном случае мы заведомо будем проигрывать в конкурентной борьбе с китайской экономикой. Возможно, имеет смысл, чтобы функции льготного кредитования взяла на себя специальный фонд для финансирования проектов по развитию восточных регионов, который предложил создать премьер-министр Д.А. Медведев.

Тем не менее еще раз хотелось бы подчеркнуть, что конкурентоспособность региональных экономик (включая сибирскую и дальневосточную) прежде всего должна быть естественной, основанной на внутренней эффективности хозяйственного развития, а не искусственно питаемой за счет специальных налоговых, инвестиционных и прочих режимов. Если уж на то пошло, то сегодня специальные режимы нужно вводить в подавляющем большинстве российских регионов, поскольку только 5–6 из них располагают реально самодостаточным хозяйством, которое может развиваться без прямой помощи со стороны федерального центра. И еще от силы десятка полтора регионов близки к экономической и бюджетно-финансовой самодостаточности. Все же остальные, а это порядка 65 из 85 субъектов Федерации, ока-

зываются не в состоянии сформировать собственные бюджеты без обильных федеральных трансфертов. Если так обстоят дела, значит, что-то не в порядке в нашем государстве, в котором финансовые потоки движутся встречными курсами от регионов к центру в виде налоговых платежей в федеральный бюджет, а затем обратно – как федеральные субсидии и дотации региональным бюджетам. Этим лишь отчасти опосредуются процесс перераспределения доходов между богатыми и бедными регионами, поскольку по меньшей мере треть российских регионов выступают одновременно и в роли «доноров», и в качестве реципиентов федерального бюджета. В таком положении находятся, к примеру, все наиболее сильные в экономическом отношении регионы Сибирского ФО (Красноярский край, Томская, Омская, Новосибирская, Кемеровская и Иркутская области) и Сахалинская область на Дальнем Востоке.

Видимо, России нужна **новая налогово-бюджетная реформа**. И можно даже сказать больше – **реформа всей системы федеративных отношений**, нацеленная на то, чтобы каждый регион – субъект Федерации (а в его границах – каждый субъект местного самоуправления) располагал достаточными компетенциями для использования и развития своего хозяйственного и финансового потенциала.

Межбюджетные перетоки средств, тем более встречные, должны быть сведены к минимуму, а заодно было бы полезным сократить само количество дотаций, субсидий и субвенций, коих сейчас насчитывается более двух сотен разновидностей. Нынешняя столь детальная регламентация трансфертов де-факто означает, что центр не доверяет региональным властям в вопросах целевого использования финансо-

вой помощи свыше. Похоже, что вертикаль власти дает сбои... – и либеральная экономическая мысль под флагом «Стратегии-2020» работает над тем, какую модель федерализма предложить правительству, насколько фискальной и конкурентной она должна быть, с какой скоростью двигаться в сторону либерализации российского федеративного устройства [16].

Восточные регионы страны, конечно же, объективно заинтересованы в построении более рациональной модели федеративных отношений, включая сферу межбюджетных взаимодействий с центром. Но в сегодняшней ситуации Сибири, и в особенности Дальнему Востоку, в не меньшей степени нужна прагматичная политика хозяйственного развития, балансирующая интересы регионов и центра, ставящая понятные – «осязаемые» – цели и задачи, являющаяся реальным руководством к действию. Увы, в рекомендациях экспертов «Стратегии-2020» о такой политике не сказано ни слова, равно как практически ничего не сказано о региональной экономической политике вообще, о промышленной политике и других подобных категориях. Вся промышленная политика государства сводится к «созданию условий» и «посылу сигналов» бизнесу [16, с. 53]. Не густо. А сама Стратегия социально-экономического развития страны в видении либерально-мыслящих экспертов, в сущности, представляет собой совокупность планов по дальнейшей реформации системы институтов. Следует добавить, что принятый в самом конце 2014 г. Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации», призванный регулировать отношения, возникающие между субъектами, осуществляющими деятельность в сфере промышленности, и органами власти всех уровней при

формировании и реализации промышленной политики, носит настолько рамочный характер, что его работоспособность вызывает большие сомнения. Нужен еще целый комплекс подзаконных актов и решений, раскрывающих и конкретизирующих механизмы действия принятого закона.

Федеральный центр привычно продолжает двигаться по пути административного решения проблем, учредив федеральное Министерство по развитию Дальнего Востока с широко, но весьма неконкретно очерченными функциями, включая координацию деятельности по реализации государственных программ развития, управление частью федерального имущества, контроль за осуществлением органами государственной власти субъектов своих полномочий [12]. Конечно, координация программ и действий по развитию восточных регионов не просто нужна – она крайне необходима. Действительный вопрос заключается в другом: насколько нынешние программы и меры адекватны сложившейся ситуации, насколько они реализуемы и в какой степени позволяют решить проблемы восточных регионов?

Все названные аспекты приобретают вопросительный характер, поскольку федеральный центр не может сформулировать внятную региональную политику в отношении Сибири и Дальнего Востока. А если нет политики, что тогда сумеет сделать министерство, которое в сущности является исполнителем решений? Регионы же, судя по всему, видят в Министерстве по развитию Дальнего Востока нового покровителя, который будет защищать их интересы перед федеральными властями и поможет «вписаться» в приоритетные государственные программы. И не случайно, наверно, Бурятия и Забайкальский край – регионы,

входящие в состав Сибирского ФО, – уже попросились «под крыло» нового ведомства, мотивируя свое желание тем, что они экономически ближе к Дальнему Востоку и занимают «важное геостратегическое положение на Востоке страны» [10].

Довольно жесткие административные меры воздействия следовало бы применить к монополизированному российскому бизнесу, начиная с нефтегазового, и заставить его повернуться лицом к интересам восточных территорий. В силу чрезвычайно высокой монополизации на всех уровнях экономики – федеральном, региональном, локальном – отечественный бизнес оказывается не слишком восприимчивым к регуляторным «сигналам», а создаваемые государством «условия» прежде всего старается обратить к собственной выгоде, не задумываясь о целях, ради которых вводятся те или иные стимулы. Пусть на Дальнем Востоке и в Сибири бизнес пользуется стимулами, льготами и преференциями, которые намерено создать государство, но должен быть и жесткий контроль для пресечения любых проявлений оппортунизма. А в дополнение к этому нужно применить директивное (хотя бы отчасти) государственное целеполагание и планирование деятельности корпораций и бизнес-структур – независимо от их размеров и отраслевой принадлежности – для достижения требуемых результатов в развитии хозяйства восточных регионов. За получаемые льготы и преференции бизнес должен заплатить целенаправленной работой на общегосударственные и региональные интересы.

В современных подходах к решению проблем российского Востока, выдвигаемых разными сторонами, тем не менее просматривается одно любопытное совпадение. Федеральные власти действуют в ад-

министративном ключе, либеральные экономисты продолжают изыскания по части реформирования институтов, но и те и другие сходятся в оценке значения восточных территорий как инструмента для интеграции России в экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона. Причем акцент делается на сотрудничестве в энергетической сфере и на привлечении иностранных инвестиций.

В «Стратегии-2020» констатируется, что приоритетным партнером России в АТР выступает Китай, и указывается, что «энергетический экспорт является главной составляющей стратегии “вхождения” России в АТР» [16, с. 820]. Ну, а государственный «Газпром», воодушевленный итогами саммита АТЭС во Владивостоке, заявляет, что «Восточная газовая программа является нашим приоритетом и активно реализуется, но с учетом динамики роста спроса на газ в АТР сейчас будут приняты решения по ее значительному ускорению», и делает практические шаги в этом направлении, подписывая с правительством Японии меморандум о совместном проекте по строительству завода по сжижению газа во Владивостоке стоимостью в 7 млрд долл. [5].

Думается, что подобное позиционирование – в идеях и на практике – удачно стыкуется с интересами наших внешнеэкономических партнеров в Азии, включая Китай, который наиболее экспансивно внедряется в экономику восточных регионов России. Ресурсы нужны всем, и если Россия сама их предлагает, зачем отказываться? Поэтому, наверное, вполне оправданными выглядят опасения некоторых ученых по поводу того, как развивается российско-китайское сотрудничество. «Недопустима... односторонняя ориентация на экспорт электроэнергии, без адекватного развития собственных произ-

водств. Такой курс превратит Дальний Восток в сырьевой придаток КНР и приведет к необратимому нарушению геополитического равновесия... Только переход к строгому прагматизму на основе концепции экологически устойчивого развития Дальнего Востока и взаимоуважения интересов сторон может обеспечить долгосрочные добрососедские отношения с Китаем» [11].

К прагматизму следует еще добавить разумный протекционизм. Стимулирование притока иностранных инвестиций не должно оборачиваться созданием для зарубежных компаний и предпринимателей условий деятельности, более предпочтительных по сравнению с обычными условиями для отечественного бизнеса. Если возникает необходимость в каких-то особых преференциях, то они должны быть локализованы в рамках отдельных инвестиционно-хозяйственных анклавов, отделенных от общего экономического пространства и внутреннего рынка.

Развитие экономического сотрудничества с Поднебесной таит в себе особые риски по одной вполне очевидной причине. Проникновение в нашу страну китайского капитала сопровождается заселением «осваиваемых» территорий с образованием многочисленных национальных диаспор, которые характеризуются ярко выраженным оппортунистическим отношением к интересам России и ее граждан, прежде всего – в восточных регионах, ставших непосредственной целью «китайского нашествия». Причем плохо контролируемая нами иммиграция из Китая зачастую идет впереди инвестиций в экономику или даже вместо них. Минимизировать риски возможно лишь при выполнении трех условий:

- 1) при относительно высокой и равномерной заселенности восточных регионов «нашими людьми», т. е. гражданами Рос-

сии, – существенно более плотной, чем в настоящее время;

2) при достаточно развитой, диверсифицированной и конкурентной экономике, не находящейся в прямой зависимости от «китайского фактора» и не придавленной «прессом монополизма»;

3) при эффективном иммиграционном, финансовом, техническом, экологическом и проч. государственном контроле, распространяющемся на все виды и форматы хозяйственной деятельности.

Если создание перечисленных условий представляется утопией, тогда, скорее всего, российским восточным регионам ничего не остается, как только смириться с участью «жертвы», уготованной для «китайского дракона». Возможно, автор заблуждается и в слишком пессимистичных тонах представляет себе картину развивающегося российско-китайского экономического сотрудничества, а «китайский дракон» является сугубо мирным существом, символизирующим «доброе начало». Очень хотелось бы на это надеяться.

Но, независимо от степени правоты или неправоты автора, Россия просто обречена на тесное экономическое сотрудничество с Китаем, в том числе в энергетической, нефтегазовой и ресурсно-сырьевой сферах. И дело не только в нашем географическом соседстве. Взаимодействие, обмен ресурсами и капиталом, даже глубокая интеграция в каких-то случаях с одной из крупнейших национальных экономик мира таит в себе значительный потенциал разнообразных выгод для России. Однако эти выгоды не придут сами собой. Мы должны выстроить и реализовать на деле прагматичные подходы к сотрудничеству, позволяющие максимизировать свои выгоды и минимизировать издержки, доби-

ваться наилучшего баланса издержек и выгод для себя. Китайская сторона стремится к этому же и пока что преуспевает гораздо лучше нас. Выгоды, которые сейчас получает Россия, в значительной степени – поверхностные, а издержки затрагивают фундаментальные основы социально-экономического развития восточных регионов, да и всей страны.

Нынешнее охлаждение наших отношений с большинством стран постиндустриального мира, который тем не менее не утрачивает интереса к нашим высоколиквидным природным ресурсам, делает «восточный вектор» в российской внешнеэкономической политике в значительной степени безальтернативным. Но хорошо известно, что внешняя политика черпает свои силы из внутренних источников, каковым в нашем случае может быть только реальная экономическая мощь восточных регионов России, а не просто ресурсный потенциал или благоприятные возможности для развития. В этой связи проблема экономического сотрудничества с Китаем и с другими странами, проявляющими интерес к российскому Востоку и прежде всего – к огромной территории и природно-ресурсному потенциалу – становится принципиальной в том смысле, что от ее решения зависит, как нас будут воспринимать в мире и как мы сами себя будем расценивать. Сумеет ли мы остановить экономический кризис, вызванный ухудшением конъюнктуры мирового энергетического рынка и нынешней «войной санкций»? Сумеет ли мы, выйдя из кризиса, динамично продвигаться вперед, прокладывая курс исходя из своих интересов, или сможем только «плыть по течению», неумело лавируя между попадающимися на пути рифами и мелями? Сумеет ли уве-

ренно защищать свои интересы в диалоге с экономически сильными партнерами и находить взаимоприемлемые компромиссы или, прикрываясь пафосной риторикой, будем на деле пасовать и постоянно идти на неоправданные уступки? Сумеем ли мы исполнить завет Ломоносова и превратить богатый от природы, но пока что не слишком ухоженный край российской земли в действительный плацдарм нашего могущества в Азии и в мире? Или другие государства – ближние и дальние – обратят все наиболее ценные восточные территории России в экономико-сырьевую колонию с перспективой установления и своего административно-политического контроля, а нам останутся лишь отдельные небольшие форпосты?

Время покажет... Но все-таки будем надеяться на лучшее.

Литература

1. *Виноградова М.А.* Китай в России [Электронный ресурс]: интервью с ведущим научным сотрудником Института Дальнего Востока Российской академии наук М.А. Виноградовой // Эксперт-ТВ. – 2012. – 21 февр. – URL: <http://expert.ru/2012/02/21/ugol-zreniya/> (дата обращения: 09.04.2015).
2. *Витте С.Ю.* Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте о поездке на Дальний Восток. Ч. 2 // РГИА. – Ф. 560. – Оп. 22. – Д. 267. – Л. 8–9.
3. *Глазырина И.П.* Минерально-сырьевой комплекс Забайкалья: опасные иллюзии и имитация модернизации // ЭКО. – 2011. – № 1. – С. 19–35.
4. Д. Медведев: Дальнему Востоку нужен особый налоговый режим [Электронный ресурс] // РБК: экономика: web-сайт информационного агентства «РосБизнесКонсалтинг». – 2012. – 17 сент. – URL: <http://top.rbc.ru/economics/17/09/2012/669967.shtml> (дата обращения: 09.04.2015).
5. До свидания, Европа: Владимир Путин намерен взять курс на Азию [Электронный ресурс] // Lenta.ru: интернет-газета. – 2012. – 10 сент. – URL: <http://lenta.ru/articles/2012/09/10/ates/> (дата обращения: 09.04.2015).
6. Единая межведомственная информационно-статистическая система: государственный интегрированный статистический ресурс [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do> (дата обращения: 09.04.2015).
7. *Кафаганов С.* Европа больше не растет [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2011. – 28 дек. – URL: <http://www.rg.ru/2011/12/28/eurocrisis.html> (дата обращения: 09.04.2015).
8. *Куропаткин А.Н.* Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне: итоги войны [Электронный ресурс]. – 2-е изд. – Berlin: J. Ladyschnikow Verlag G.m.b.H., 1911. – 557 с. // Российская государственная библиотека: веб-сайт: просмотр документа. – URL: <http://dlib.rsl.ru/01003759128> (дата обращения: 09.04.2015).
9. *Ли Е.А.* «Желтая угроза» или «желтый вопрос» в трудах Амурской экспедиции 1910 г. [Электронный ресурс] // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2010. – № 3. – С. 29–40. – URL: http://www.oikum.ru/arc/2010_03/index.html (дата обращения: 09.04.2015).
10. Министерству по развитию Дальнего Востока отойдут Бурятия и Забайкалье [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 2012. – 11 июля. – URL: <http://lenta.ru/news/2012/07/11/gotit/> (дата обращения: 09.04.2015).
11. *Подольский С., Готвицкий В.* «Дорогие гости» Приамурья или «китайская угроза» России? [Электронный ресурс] // Перспективы. – 2007. – 12 сент. – URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/dorogie_gosti_priamurya_ili_kitaiyskaya_ugroza_rossii_2007-8-12-13-0.htm (дата обращения: 09.04.2015).
12. Положение о Министерстве Российской Федерации по развитию Дальнего Востока: утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2012 г. № 664 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. – URL:

<http://minvostokrazvitia.ru/images/downloaded/prrf664.pdf> (дата обращения: 09.04.2015).

13. Предпринимательство – Промышленное производство – Индексы производства [Электронный ресурс]: официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики (Росстат): веб-сайт. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/ (дата обращения: 09.04.2015).

14. Россия не справится [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2009. – № 2462 (12 октября). – URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2009/10/12/216003> (дата обращения: 09.04.2015).

15. Статистика внешней торговли [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба, Дальневосточное таможенное управление: веб-сайт. – URL: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=63&Itemid=90 (дата обращения: 09.09.2015).

16. Стратегия–2020: новая модель роста – новая социальная политика: итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – М., 2012. – 864 с. – URL: <http://2020strategy.ru/documents/32710234.html> (дата обращения: 09.04.2015).

17. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р [Электронный ресурс] // Дальневосточный

Федеральный округ: официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.dfo.gov.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 09.04.2015).

18. Таможенная статистика внешней торговли [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба России: официальный веб-сайт. – URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=13858&Itemid=2095 (дата обращения: 09.04.2015).

19. Федеральный закон Российской Федерации «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ: принят Государственной Думой 16 декабря 2014 г.: одобрен Советом Федерации 25 декабря 2014 г.: вступил в силу: 30 июня 2015 г. [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2015. – № 6572 (12 января). – URL: <http://www.rg.ru/2015/01/12/promyshlennost-dok.html> (дата обращения: 09.04.2015).

20. Хабаровский край: статистический ежегодник, 2013 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю; редкол.: С.И. Позолотин – председатель и др. – Хабаровск: Хабаровскстат, сектор оперативной полиграфии, 2013. – 326 с.

21. Шмат В. Нефтегазовый цугцванг: очерки экономических проблем российского нефтегазового сектора / под науч. ред. В.А. Крюкова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. – 524 с.

22. Anakov A.V. Two thousand years of economic statistics: world population, GDP and PPP. – New York: Algora Publishing, 2010. – 400 p.

RUSSIAN “NEW EASTERN POLICY” AS A RESPONSE TO THE MODERN CHALLENGES

V.V. Shmat

Institute of Economics and Industrial
Engineering of SB RAS, Novosibirsk

petroleum-zugzwang@yandex.ru

Economic development of Russia's eastern territories follows on a flawed way. The emphasis is on the developing of natural resource potential, which is regarded as our “trump card” in relations with Asia-Pacific countries. Cooperation with China, Russia's main partner in Asia, yet does not bring adequate benefits for our country due to a couple of main reasons: on the one hand, China's economic expansion and migration differs opportunistic attitude to Russia's interests; and on the other, we aren't quite pragmatic in establishing relationships with Celestial country. There is a real long-term risk of “China threat”, which can be reflected only by “explosive” economic growth of Transbaikalia and the Far East with a balanced development of the mining and manufacturing sectors. It's necessary to strive for achievement of the native socio-economic competitiveness of the Russian eastern regions on the basis of internal efficiency. This means a focus on production output with prices that really contain a high proportion of value added. That is only the way to minimize the negative effect caused by the objective factor of remoteness and high transportation costs. A pragmatic approach requires foreign economic cooperation. We must learn to maximize our benefits and minimize costs, to achieve the best balance of costs and benefits for ourselves. It should be the essence of the Russia's “new Eastern policy”.

Keywords: Siberia, the Far East, the resource potential, Asia-Pacific Region, the Chinese expansion, raw materials appendage, strategy, socio-economic development, manufacturing, pragmatism.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.1-99-114

References

1. Vinogradova M.A. Kitai v Rossii: interv'y u s vedushchim nauchnym sotrudnikom Instituta Dal'nego Vostoka Rossiiskoi akademii nauk [China in Russia: interview with the lead researcher of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences]. *Expert-TV*. 2012, February 21. Available at: <http://expert.ru/2012/02/21/ugol-zreniya/> (accessed 09.04.2015) (In Russian)
2. Vitte S.Yu. Vsepoddanneishii doklad ministra finansov S.Yu. Vitte o poezdke na Dal'nii Vostok. Ch. 2 [Minister of Finance S.Y. Witte report to the emperor on trip to the Far East. Pt. 2]. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 560. Inv. 22. Doc. 267. L. 8–9.
3. Glazyrina I.P. Mineral'no-syr'evoi kompleks Zabaikal'ya: opasnye illyuzii i imitatsiya modernizatsii [Mineral resources complex economic Transbaikalia: the dangerous illusion and imitation of modernization]. *EKO – ECO*, 2011, no. 1, pp. 19–35.
4. D. Medvedev: Dal'nemu Vostoku nuzhen osobyi nalogovyi rezhim [Far East need a special tax regime]. *RBK: Ekonomika* [RBC: Economics: website of the Information Agency «RosBusinessConsulting»], 2012, September 17. Available at: <http://top.rbc.ru/economics/17/09/2012/669967.shtml> (accessed 09.04.2015) (In Russian)
5. Do svidaniya, Evropa: Vladimir Putin nameren vzyat' kurs na Aziyu [Goodbye, Europe: Vladimir Putin is going to take a course in Asia]. *Lenta.ru*: online newspaper, 2012, September 10. Available at: <http://lenta.ru/articles/2012/09/10/ates/> (accessed 09.04.2015) (In Russian)
6. Unified interdepartmental statistical information system: state integrated statistical resources. Available at: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do> (accessed 09.04.2015) (In Russian)
7. Karaganov S. Evropa bol'she ne rastet [Europe is no longer growing]. *Rossiiskaya gazeta – Russia's Newspaper*, 2011, December 28. Available at:

<http://www.rg.ru/2011/12/28/eurocrisis.html> (accessed 09.04.2015)

8. Kuropatkin A.N. Zapiski generala Kuropatkin o rusko-yaponskoy voyne: itogi voyny. 2-e izd. [General Kuropatkin's notes of Russian-Japanese war: results of war. 2nd ed. Berlin., J. Ladyschnikov Verlag GmbH, 1911. 557 p.]. *Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka: web-sait: prosmotr dokumenta* [Russian State Library: web-site: view the document]. Available at: <http://dlib.rsl.ru/01003759128> (accessed 09.04.2015)

9. Li E.L. «Zheltaya ugroza» ili «zheltyi vopros» v trudakh Amurskoi ekspeditsii 1910 g. [The «Yellow Peril» or the «Yellow Question» in works of the Amur expedition of 1910]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya – Oikumena. Regional researches*, 2010, no. 3, pp. 29–40. Available at: http://www.oikum.ru/arc/2010_03/index.html (accessed 09.04.2015)

10. Ministerstvu po razvitiyu Dal'nego Vostoka otoidut Buryatiya i Zabaikal'e [Transbaikalia and Buryatia depart to the Ministry of Development of the Far East], *Lenta.ru*: online newspaper, 2012, July 11. Available at: <http://lenta.ru/news/2012/07/11/gotit/> (accessed 09.04.2015)

11. Podol'skii S., Gotvinskii V. «Dorogie gosti» Priamur'ya ili «kitaiskaya ugroza» Rossii? [«Dear guests» Priamurja or «China threat» in Russia?]. *Perspektivy – Perspectives*, 2007, September 12. Available at: http://www.perspektivy.info/rus/desk/dorogie_gosti_priamurya_ili_kitaiyskaya_ugroza_rossii_2007-8-12-13-0.htm (accessed 09.04.2015)

12. Regulations of the Ministry of the Russian Federation on the development of the Far East: approved by RF Government Decree of June 30, 2012 no. 664. (In Russian). Available at: <http://minvostokrazvitiya.ru/images/downloaded/pprf664.pdf> (accessed 09.04.2015)

13. Entrepreneurship – Manufacturing – Production indices: official statistics. *Federal State Statistics Service (Rosstat)*: website. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/ (accessed 09.04.2015)

14. Rossiya ne spravitsya [Russia can not cope]. *Vedomosti*, 2009, no. 2462, October 12. (In Russian). Available at: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2009/10/12/216003> (accessed 09.04.2015)

15. External trade statistics. *Federal Customs Service of Russia, Far Eastern Customs Directorate*: web-site. Available at: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=63&Itemid=90 (accessed 09.09.2015)

16. Strategy 2020: New growth model – a new social policy: final report on the results of the expert work on topical issues of socio-economic strategy of Russia until 2020. Moscow, 2012. (In Russian). Available at: <http://2020strategy.ru/documents/32710234.html> (accessed 09.04.2015)

17. The strategy of socio-economic development of the Far East and the Baikal Region until 2025. Approved by order of the Government of the Russian Federation of December 28, 2009 no. 2094-p. *Official site of presidential envoy of the Russian Federation in the Far Eastern Federal District*. Available at: <http://www.dfo.gov.ru/index.php?id=80> (accessed 09.04.2015)

18. Customs foreign trade statistics. *Federal Customs Service of Russia*: web-site. Available at: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=13858&Itemid=2095 (accessed 09.04.2015)

19. RF Federal Law «On industrial policy in the Russian Federation» of December 31, 2014 no. 488-FZ. *Rossiiskaya gazeta – Russia's newspaper*, 2015, January 12. Available at: <http://www.rg.ru/2015/01/12/promyshlennost-dok.html> (accessed 09.04.2015) (In Russian)

20. Pozolotin S.I., chairman of the ed. board and al. *Khabarovskii kraj: statisticheskiy ezhegodnik*. 2013 [Khabarovsk region: statistical yearbook. 2013]. Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Khabarovskomu kraju (Khabarovskstat) [Territorial body of the Federal State Statistics Service in the Khabarovsk region]. Khabarovsk, Khabarovskstat, Sektor operativnoi poligrafii Publ., 2013. 326 p.

21. Shmat V. *Neftegazovyi tsugzvang: ocherki ekonomicheskikh problem rossiiskogo neftegazovogo sektora* [Petroleum Zugzwang: essays on the Russian oil and gas sector's economic problems]. Novosibirsk, IEIE SB RAS, 2014. 524 p.

22. Avakov A.V. *Two thousand years of economic statistics: world population, GDP and PPP*. New York, Algora Publishing, 2010. 400 p.